

© 1990 г.

А. ГОРЯНОВСКИЙ

УКРАСТЬ МОЖНО ВСЕ

(результаты включенного наблюдения)

Теневая экономика приобрела такие масштабы, которые никого уже не могут оставить равнодушным. Она не только является мощным фактором, дестабилизирующим развитие всего народного хозяйства. Ее нормы и ценности стали массовыми стереотипами, регулирующими поведение людей. Естественно, социология не может пройти мимо этого явления, хотя и не знает, как к нему подступиться. Традиционный анкетный метод здесь вряд ли уместен, хотя бы уже в силу труднодоступности единиц наблюдения. Спекулянты и дельцы не любят давать интервью или участвовать в социологическом опросе. А социальная статистика собираемая государственными органами, либо засекречена, либо существенно не полна. Автор избрал другой путь.

В течение 40 дней 1989 г. я провел включенное наблюдение, объектом которого выбрал дачный коттедж. В сельской местности сейчас возводится немало жилья кооперативным способом. Но я подыскивал участок с расчетом на его недоступность для контролирующих органов и, вместе с тем, недалеко от государственныхстроек. Последние также предполагалось использовать в качестве объектов изучения.

План исследования разрабатывался по всем правилам социологического наблюдения. Кроме методической части в него были включены процедуры подбора заказчика, бригады строителей, тщательно операционализировалась стратегия «провокации действием», методика обработки результатов наблюдения, концептуализировались характер взаимоотношений между членами бригады и система межличностных связей.

Отмечу, что предпринимавшиеся ранее попытки изучить структуру теневой ЭКОНОМИКИ методом включенного наблюдения успеха не имели. Основная причина — не совсем верный метод подбора заказчика, в роли которого выступали руководители сельхозпредприятий. Дело в том, что в этом случае инициатива приобретения стройматериалов и техники оставалась в руках снабженца или прораба, социологу же приходилось наблюдать как бы со стороны. Естественно, в такой ситуации проследить, как осуществляются тайные сделки с расхитителями, доставляется ворованный материал, не представлялось возможным. Вторая причина — ошибочный выбор самого объекта наблюдения. Если он возводился на территории сельского населенного пункта, то сразу же оказывался в поле зрения всех, особенно органов социального контроля — администрации и местных исполкомов. Исследовательскую деятельность затрудняло еще и то, что социолога руководители сельхозпредприятий, что называется, знали в лицо. Все это не позволяло провести «чистый» эксперимент. Однако и отрицательный опыт пригодился, в дальнейшей работе. Благодаря ему удалось заранее учесть множество нюансов, которые и определили нынешний успех.

Как было организовано включенное наблюдение? На этот раз в роли заказчика выступало частное лицо. Объект наблюдения подбирался таким образом, чтобы он был удален от населенных пунктов, а его строительство (благодаря небольшим размерам) могло завершиться в максимально короткие сроки — от 35 до 40 дней. Жесткие временные рамки диктовались желанием избежать ненужного внимания со стороны органов контроля, преждевременное вмешательство которых могло бы сорвать эксперимент. Конспирация, как видим, нужна не только тем, за кем наблюдают, но и тому, кто такое наблюдение проводит.

Сделаем примечание. При существующей загруженности работников органов внутренних дел срок в 35—40 дней считается критическим для того, чтобы они могли, на основании полученной информации, составить более или менее полное представление о том, что же в реальности происходит на строительном объекте. Иными словами, это время «распознавания объекта», его идентификации. В практическом плане короткий срок позволял избежать конкуренции со стороны тех, кто возводил объекты на соседних участках. По правилам строительных кооперативов в течение первых трех месяцев с момента создания садово-огороднических товариществ и раздела земли должны вестись лишь подготовительные работы. Наконец, сроки исследования регламентированы также летними отпусками.

Для того, чтобы наблюдения уложиться в указанные сроки, пришлось прибегнуть к методу «провокации действием». Здесь суть в ускорении

реального хода событий, спрессовывании социальных процессов с целью выявить то, что при обычном наблюдении было бы растянуто по времени и выявилось недостаточно концентрированно. Ускорение позволяет понять внутреннюю логику исследуемого процесса, обнажить его ключевые звенья. В данном случае «ускорение действительности» достигалось подбором соответствующего заказчика и форсированной подготовкой объекта к работе. Так, заранее пришлось заготовить необходимые материалы для фундамента, столярные изделия, кирпичи. Вызвано это тем, что по предварительным наблюдениям материалы такого рода фондированы, они строго учитываются и выделяются не просто в соответствии с потребностями стройки, но только по документам. В ходе исследования выяснилось, что их можно получить и окольным путем.

Параллельно велась «разведка» на близлежащих государственных стройках и осуществлялось предварительное знакомство с предполагаемыми «компаньонами» по незаконным сделкам. Изучены были все возможности привлечения дополнительной рабочей силы. Ведь надобность в ней могла возникнуть из-за болезни любого члена бригады строителей. Зондировались каналы использования государственной техники на кооперативной стройке. Реализация этого пункта плана продолжалась вплоть до окончания исследования.

При выборе заказчика учитывался ряд параметров, которым он должен был соответствовать: 1) наличие приусадебного участка или дачи, автомобиля и свободных денег; 2) желание быстро и сравнительно дешево построить коттедж; 3) отсутствие щепетильности перед законом. Подбор заказчика оказался самым нелегким делом. Ни одна из кандидатур, рекомендованных строительными кооперативами, не отвечала полностью нашим требованиям. Наконец, благодаря случаю, была найдена подходящая фигура — председатель одного из кооперативов. Это обстоятельство неожиданно открыло новые перспективы: представилась возможность понаблюдать, что называется, в непосредственном общении невидимые стороны жизни кооперативного предприятия.

Таким образом, те пункты научного плана, которые непосредственно от исследователя не зависели, были выполнены. Оставалось подобрать в бригаду нужных людей, подготовиться физически и восполнить профессиональные пробелы, откорректировать методику и приступить к непосредственному наблюдению.

К членам бригады особых требований я не предъявлял. Прежде всего, это должны быть строители высокой квалификации, имеющие желание заработать и способные выдержать физические нагрузки в течение 35—40 дней. Помогли знакомые строители-кооператоры, подсказав возможные кандидатуры. Из их числа отобраны двое: прораб с промышленного предприятия и высококвалифицированный каменщик, владевший всеми строительными профессиями, неоднократно работавший в подобных бригадах. С ними мы оговорили условия работы и оплаты труда, а также время, в течение которого предстояло трудиться.

Хотя тактику взаимоотношений с членами бригады можно назвать демократической, но в истинные цели задуманного мероприятия, в тайные сделки и прочее они не посвящались. Заказчик же для ускорения работы предложил дополнительную рабочую силу из числа сотрудников кооператива, работающих по трудовым соглашениям. Так был скомплектован коллектив, помогавший в реализации научного замысла.

До начала работ оставалось четыре месяца. За это время надо было заготовить наиболее дефицитные материалы и подготовиться физиче-

ски к работе в полуправильных условиях по 14—16 ч. в сут. на протяжении 35—40 дней. Согласитесь, задача для социолога не из легких. Но трудиться приходилось на равных с профессиональными рабочими. Пришлось глубже познакомиться с техникой проектного дела, криминалистикой, литературой по вопросам экономической преступности, еще раз понаблюдать за строителями на практике. В ходе исследования предстояло работать в полной социальной и психологической изоляции, действовать инкогнито, соблюдая при этом требования принятой на себя роли экономического вора.

Предстоящая акция казалась мне все менее и менее привлекательной. Мучили сомнения: правильно ли я поступаю с нравственной точки зрения, вовлекая ничего не подозревающую бригаду в тайные махинации и сделки? И я, и они оказывались вне закона. Никаких юридически оформленных договоров не заключалось из-за категорического нежелания заказчика. Чувство неловкости поначалу было также и перед ничего не подозревавшим заказчиком, несмотря на точную информацию о его «личности». Предварительные сведения убеждали, что мы имеем дело с далеким от нравственных идеалов человеком. Один знакомый охарактеризовал его как «рыцаря слова и пигмея дела». Неприятно было и то, что работа вершилась как бы исподтишка. Чувство неловкости от ролевого участия постоянно создавало состояние психологического дискомфорта. Все это можно назвать психологическими издержками метода включенного наблюдения.

Несколько слов о методике и процедуре сбора информации. Методика отработывалась с учетом моего прошлого опыта, о котором уже сказано, а также опыта, накопленного отечественной и зарубежной социологией. Пришлось отказаться от дневниковых записей, что диктовалось условиями скрытой работы. Заполнение дневников требует определенного времени, которым мы не располагали; а также надежного места хранения. Кроме того, процесс заполнения привлекает внимание окружающих. Наконец, дневник может быть кем-то случайно обнаружен. Перебрав все способы, я остановился на небольшой информационной карте, величиной в пол-листа. Хранить ее было несложно, а для заполнения требовалось минимальное время. Содержательно же карта раскрывала весь объем сделок и их динамику, характеристику и реакции поставщиков на совершаемые сделки, производимые затраты, наконец, время, уходящее на приобретение материалов. Процедура была в сущности простой: отъехав от места совершения сделки, т. е. на обратном пути, я заполнял бланк, запечатывал его в конверт и отправлял по определенному адресу. Обработка и осмысление информации проводились позже.

Включенное исследование должно ответить на следующие вопросы: степень распространенности хищений в строительстве; условия и предпосылки экономических преступлений; социально-психологическая характеристика поставщиков и их реакция на факт совершения сделки; структура внутренних связей между рабочими строительного коллектива, непредумышленно совершающими экономическое преступление. Кроме того, ставилась задача получить количественные параметры соотношения затрат на строительство, т. е. соотношение объема, материалов и услуг, получаемых в официальном порядке и по каналам теневой экономики. Иначе говоря, выяснение доли ворованных и полученных незаконным путем материалов в общей структуре затрат на один объект. Помимо этого фиксировалось количество отказов в продаже ворованных материалов пропорционально числу обращений, а также доля выплачен-

ных из кармана кооператива денег тем, кто работал на данном объекте. Анализ результатов исследования показал, что более всего распространены хищения на тех объектах, где работают «вахтовым методом» временно прикомандированные люди. Можно утверждать, что подобные факты вовсе не случайность. Напротив, они вполне закономерны, ибо отражают организационное отчуждение этой категории работников от средств производства. «Временщики» находятся вне зоны социального контроля и со стороны руководства предприятия, и со стороны трудового коллектива. В условиях постоянной сменяемости кадров в субподрядных организациях, которых скапливается на одном объекте порой до десяти, практически не ведется учет расхода и перерасхода материалов, затруднена персонификация ответственности за их порчу и хищение. Понятно, что на постоянно действующих объектах проблема незаконного приобретения стройматериалов менее остра. Вопрос заключается в платежеспособности и умении выбрать подходящую фигуру, т. е. того, кто пойдет на сделку.

Хищение и сбыт государственных материалов *налево* присущи всем работникам, независимо от возраста и профессии. Надо было только не полениться подойти к ним и, если нужный дефицит оказывался под рукой, договориться на месте. Украсть можно все. Мне удалось подметить такую деталь: люди охотнее шли на сделку, если контакт обещал быть разовым, но значительно труднее договаривались о многократных и продолжительных контактах. Что это — естественный страх или стремление подстраховаться на случай провала? Стоит человеку один раз успешно повернуть махинацию, которая проходит для него без последствий, как он уже «свой» для воров и расхитителей. К нему обращаются снова и снова.

На «сложных» объектах дела решались просто. Если нужного стройматериала не оказывалось на месте, то его «одалживали» у субподрядчиков, выбирая для этого, как правило, вне рабочее время. Хотя не гнушались и древним опытом, беря в «долю» рабочих этой организации. За 40 дней я многократно сталкивался с расхитителями, но ни разу — со сторожем. Его не было ни на одном объекте. Создавалось впечатление, что такой должности в строительном реестре не числится.

Функции сторожа взяли на себя органы милиции. Но каков эффект их деятельности? Разумеется сотрудники БХСС местного отделения милиции наведывались на объект неоднократно. Но об их визите заказчик, находящийся на сотню верст от стройки, извещался заранее. К моменту встречи с инспектором нужные документы на стройматериалы всегда оказывались на месте. На проверку их подлинности у инспектора ушло бы более недели, которой он попросту не имел. В сфере его контроля находилась добрая треть района с многочисленными торговыми точками, строительными объектами, несколькими садово-огородническими товариществами, базами и прочими учреждениями.

В задачу исследования входило выяснение процесса хищения, осуществляемого в рамках первичных трудовых коллективов. Первоначально в теоретической модели предполагалось, что среди злостных расхитителей преобладают: а) люди с *темным* прошлым; б) ранее судимые за подобные же преступления; в) люмпинизированная часть рабочего класса. Однако данные наблюдения убедили в необходимости расширить круг «подозреваемых». Мой вывод таков: на стройках воруют почти все, кто может что-то украсть. Причем, для облегчения хищений будто бы нарочно создаются самые благоприятные условия: весьма сомнительный меха-

низм ответственности, практическое отсутствие контроля, самоличные поручения начальства «отгрузить» товар неизвестно куда.

Однажды пришлось наблюдать удручающую сценку. Два бригадира крепко поспорили, кому первым продавать (читай: сбывать) украденные материалы. В разгар ссоры один из них угрожал другому тем, что донесет на него в милицию. Такова абсурдная логика теневой экономики. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не опасение обоим «засветиться». Конфликт был исчерпан только тогда, когда спорящих убедили, что материалы у них будут покупать по очереди.

С точки зрения теневых структур коллектив строителей можно представить в виде слоеного пирога. Приворывают на каждом уровне, если есть возможность: рядовые рабочие и бригадиры совершают преступление тайком от прораба или мастера. Последние все знают, но делают вид, что не замечают. Прораб и мастер берут, что им нужно, но не сами, а с помощью «доверенных» рабочих. В свою очередь руководители поступают так же, но уже через «доверенных» прорабов. Доверие здесь особого рода, оно замешано на совместном участии в преступлении. Как-то я спросил знакомого прораба: не опасается ли он встречи с представителями закона. Тот спокойно ответил, что лично для него никакой угрозы нет, поскольку все вершится руками рабочих. Свою задачу он видел лишь в том, чтобы своевременно прикрыть их. Естественно, что в подобной ситуации руководитель ставит себя в зависимость от рабочих. Выполнять контрольные функции он не в состоянии. Хуже того, контроль фактически означает сокрытие. Как следствие, начальник не ставит ничего на вид, не делает замечаний, не пресекает корысти. Поступая так по отношению к своим подчиненным, он как бы предлагает и вышестоящему начальству вести себя так же с ним самим. Так выстраивается еще одна пирамида управления.

Практика показывает, что нет гарантии того, что контролеры не начнут вести двойную игру. Лет шесть назад нам рассказывали, что у трети инспекторов БХСС жены работали в торговле и одновременно состояли у мужей на службе в качестве платных осведомителей. Стало быть, если в торговле случались хищения, то о никакой серьезной проверке речи быть не могло.

За время исследования мне приходилось вступать в контакты с поставщиками ворованных материалов более 60 раз, и лишь в двух случаях был получен отказ. Один из них мотивирован страхом перед руководителем (человек, с которым велись переговоры, не знал, что накануне руководитель сам продавал стройматериалы). Во второй раз причиной отказа явился дефицит материала, о котором выше шла речь.

В большинстве случаев стройматериалы продавались по государственным ценам или по ценам розничной торговли, но никогда — выше кооперативных. Практически ни разу я не обнаружил проявления интереса к «покупателю» со стороны тех, кто продавал ворованное.

По моим наблюдениям, примерно в половине случаев непосредственный руководитель знал о совершаемой сделке и, следовательно, имел с этого кое-какой «навар». Поэтому делал вид, что ничего не понимает. В каждом третьем случае начальство организовывало хищения руками подчиненных, уходя в момент хищения с объекта. Свое отношение к происходящему один из прорабов выразил так: «рабочие и без меня сопрут, что им надо. Но тогда я не буду знать, сколько именно украли и каков материальный убыток. Кроме того, все что они воруют, они делают своими руками. Значит, лично я перед законом невиновен».

Примерно в половине случаев общения с прикомандированными в **Конце смены** я обнаруживал запах спиртного. По своей сути вахтовый метод организации труда не нацелен на дисциплинирование рабочих. Он лишь воспроизводит социально-негативную среду, концентрирует неблагоприятные условия, которые в свою очередь, ведут к постепенному «выпариванию» профессионального потенциала. В строительстве нередко отсутствует социально-бытовая инфраструктура, элементарные бытовые удобства. В итоге происходит частичная или полная люмпенизация рабочего класса.

По моим расчетам, на возведение объекта ушло 55% материалов и услуг (в стоимостном выражении), которые приобретены в обход закона. Оплата труда на 70% шла через кассу кооператива. Иначе говоря, работа оформлена как деятельность кооператива. Только за счет незаконных операций на оплате проделанной работы заказчик украл из кассы кооператива около 20 тыс. р. Если же к этой сумме прибавить оплату услуг людям, которые помогали ему в приобретении дефицитных стройматериалов сверх норм, то общая сумма составит 30 тыс. Расчеты удалось произвести только благодаря тому, что в роли заказчика выступал сам председатель кооператива. Именно он познакомил меня с технологией незаконных финансовых операций. Начал с предложения оплачивать работу липовыми трудовыми соглашениями. А потом объяснил и другие ухищрения при заполнении деловой документации.

Небезынтересна мотивировка его деятельности. Во-первых, надо побольше «нахапать денег», пока есть возможность, и обеспечить себе безбедную старость (да и детям кое-что оставить). Во-вторых, подольше держаться во главе кооператива, весьма прибыльного, но, по его же собственному признанию, совершенно бесполезного для государства. В-третьих, обеспечить себе социальную поддержку в настоящем и будущем за счет выплаты кругленьких сумм должностным особам или их родственникам. «Удержаться во главе» позволяет весьма незамысловатый прием. Суть его в следующем: каждые полгода председатель меняет штаты кооператива, рекрутируя новичков из людей, профессионально весьма далеких от профиля кооператива. Работу выполняют лица, оформленные по трудовым соглашениям и подобранные с таким расчетом, чтобы поле деятельности (договора) они подыскивали себе сами, и сами же выполняли работу. Как правило, новички ни при каких условиях не идут на конфликт с председателем. Обычно им предлагают сотрудничать из расчета оплаты их труда в размере 60% от стоимости договора, а 40% остаются кооперативу. Но как только договор заключен, председатель под разными предлогами увеличивает долю изымаемых средств до 60—70%. Именно из этих дополнительно изъятых средств и состоит та часть денег, которая расходуется на содержание лиц, обеспечивающих «поддержку». Мне удалось составить лишь частичное представление о «группе поддержки». Полная же информация находится у бухгалтера, которого шеф никому не представляет. Ведомости на оплату составляются таким образом, чтобы никто случайно не увидел нежелательных фамилий. Процедура оплаты производится по непересекающейся технологии. Частично деньги перечисляются сразу же на банковский счет определенного лица.

Своеобразен психологический портрет заказчика. О деле, которое он возглавляет, говорит только в связи с возможностями получить «доход». Окружающие - микробы, а не люди. Он их «купил», хотя и по разным ценам. В своем возрасте не имеет ни близких, ни друзей. Необузданность и грубость по отношению к членам своей семьи, к тем, кто от него за-

висит материально, лживость и лицемерие, моральная нечистоплотность и трусливость уживаются в нем с предприимчивостью и деловой хваткой.

Несколько раз приходилось наблюдать отношения председателя с представителями местной власти. Характер общения весьма своеобразен. Так, с прокурором района он — сама любезность и дружелюбие, рубаха-парень, активный борец с жуликами и рэкетирами. Без свидетелей он охарактеризовал того же прокурора совсем иначе: это, мол, игрок без правил, готов мать родную продать, заложить брата, если тот нарушит закон и т. п. Своеобразны отношения с прямым представителем советской власти, который от него во всем зависел и которого председатель иначе как «мой человек» и не называл. В общении все тот же елей. «За глаза» — «нищета, голь перекатная, да к тому же еще и женат на еврейке». Все «грехи» последнего усугубляются патологической честностью, что, по мнению нашего кооператора, уже совсем непростительно.

Эти и подобные им люди вольно или невольно создают моему герою социальную поддержку и небольшую — две—три тысячи, ежегодных премий, о которых мало кто знает, и взятки с периферийных филиалов данного кооператива. Возможно, что и они о нем невысокого мнения, за глаза называют авантюристом—кооперативщиком. Тем не менее, случись что, окажут помощь.

Удерживать людей, работающих на него по соглашениям, председателю удается при помощи старого, как мир, приема. Он «повязывает» их на махинациях. После получения очередного договора предлагает рекрутам использовать так называемый методический фонд кооператива. Они, не подозревая, что методики попросту украдены предприимчивым кооператором из других учреждений, используют их в своей работе. Когда же последняя подходит к концу, председатель отказывается выплачивать договорную сумму. И, если они предъявляют претензии, угрожая разоблачением, тот называет истинных авторов методики. При этом доверительно сообщает, что авторы не получили ни копейки, ведь разработка методики — плановое задание. А вы, мол, требуете за чужую работу деньги. Исполнители покидают кооператив ни с чем. Зато сам кооператор обогатился десятками тысяч рублей.

Обобщив эти и другие данные включенного наблюдения, рискну внести конкретные предложения. Мне думается, что местным советам, на территории которых открываются садово-огороднические товарищества, в течение первых же 2—3 лет надо открыть передвижные магазины стройматериалов или филиалы городских магазинов, торгующих по заказам. Можно также создать небольшие пункты проката техники, в которой нуждаются кооператоры. Для того, чтобы оградить кооперативное движение от проникновения нечистых на руку людей, следует законодательно определить систему взаимоотношений внутри кооперативов, дать общественности право передачи кооператоров либо руководства ими попечительскому совету. Наконец, правильно было бы предусмотреть конкурсную основу для выборов председателя, а их организацию доверить также попечительскому совету.

Таковы практические рекомендации, вытекающие из результатов исследования. Но есть и более общий вывод, который, видимо, целесообразно обсудить социологам и юристам. Теневая экономика, несомненно, подрывает основы государства. Происходит это во многом потому, что само государство не хочет или не может пресечь хищения и подпольный бизнес.

Согласно статистике, в стране вроде бы достаточная численность работников органов милиции, судов, прокуратуры; людей, занятых в народном контроле, управленческом аппарате, комсомоле, профсоюзах. Все они так или иначе осуществляют функции контроля. При помощи статистики можно доказать, что все они трудятся в поте лица. Но количество экономических преступлений почему-то растет, а не сокращается. Практика показывает, что само по себе количество проверяющих и карающих проблемы не решает. К тому же среди проверяющих кое-кто переходит в ряды преступников. Немалое значение имеет и стимулирование труда. К примеру, зарплата инструктора областного комитета народного контроля едва ли не самая низкая среди служащих, тем более по сравнению с теми, кого они проверяют. Отсюда низкая квалификация кадров и, следовательно, доступность подкупа.

В 1988 г. в одной из областей Нечерноземья проводилось журналистское расследование фактов обвеса на картофелеприемном пункте. Оно установило, что наряду с обвесами имела место продажа картофеля «налево». На следующий день с помощью областных управлений прокуратуры и милиции решили «накрыть» преступников. Пригласили также инструктора комитета народного контроля. И хотя к местным властям не обращались, поскольку многие находились в родственных отношениях с жуликами, о предлагаемой проверке заранее стало известно. Наутро назначили выезд, но представитель комитета народного контроля не явился. Каково же было удивление, когда прибыв на место, проверяющие увидели улыбающегося инструктора, который ждал их много раньше условленного срока. Он объяснил, что успел навести порядок без применения «хирургических мер». Иными словами, он попросту сорвал операцию, причем, не по наивности, а с определенным умыслом.

И еще одна проблема не давала покоя во время включенного наблюдения. Эффективны ли формы борьбы с экономическими преступниками? История последних 70-ти с лишним лет — это история непрерывных реорганизаций и преобразований, ни разу не доведенных до логического завершения. Это череда кампаний «борьбы за производительность труда», «догнать и перегнать», «за чистоту рядов», «нравственность» и т. п. А по конечному эффекту мы по-прежнему отстаем от цивилизованного мира. В то же время мы практически не работаем над развитием механизмов социального иммунитета к патологическим формам отклонений, над созданием условий их воспроизводства по алгоритмам саморегуляции. Неужели государство как субъект общественной собственности утратило заинтересованность в сохранении своей экономической основы? Или его социальные институты, в задачи которых входит охрана этой основы, оставили за собой только функцию учета?